

Валерий Рубин

г. Брамптон, Канада

Лоб

Утро выдалось по обыкновению пасмурным, ленинградским, каковым оно и должно быть в городе на Неве. По оконному стеклу время от времени постукивал косой мелкий дождик, как будто в комнату просилась стайка дятлов.

«Пора, пора сваять что-нибудь своё эпохальное, – с этой мыслию Сумароков начинал всякий день. – Уже и волосы не только в носу, но и в ушах начали расти, а ты всё рассказиками пробавляешься. На них не разживёшься, не заработаешь на хлеб с икоркой... Шиш тебе!..»

Вставить не хотелось, но нужда настойчиво звала. Сумароков уныло побрёл в ванную комнату.

– Боже милостивый! Что со мной?..

Сумароков смотрел на своё отражение в зеркале и не узнавал. Хорош, ну до чего же хорош! Лоб... какой лоб... просто восхитительно! И отчего это я раньше не замечал... Всего-то чёлку убрал вчера. Зашёл постричься, попросил вежливо: братец, ты мне это, убери лишнее... И вот, пожалуйста. Высокий, покатый, без залысин. Чисто Толстой без бороды...

Парикмахерская появилась откуда не возьмись, как по заказу. Ещё вчера на этом месте

располагался ночной бар под вывеской «Радостная встреча», где можно было пропустить бокал «Балтики-7» по дороге домой, закусить рыбкой вяленой. Ах... таранька, объеденье. И какие интеллигентные люди!..

В мозгу Сумарокова что-то замкнуло и отчётливо щёлкнуло, как будто там включился холодильник. Судьба, не иначе, распорядилась, чтобы накануне его постригли под морского котика.

«Поговаривают, у графа нашего Льва Николаевича самый большой мозг был, что-то около двух кгэ... А вдруг да и у меня, – мелькнула шальная мысль в голове Сумарокова. – Это ж сколько за него дадут в Институте экспериментальной медицины? Если успеть, конечно, сдать до естественной кончины...»

На днях на всех каналах ТВ рекламный ролик этого института призвал представителей творческой интеллигенции срочно пройти собеседование в связи с вновь открывшимися вакансиями в отделе внутренних органов. Подходящим обещали красивое удостоверение, карьерный рост, социальные льготы, бесплатный проезд на городском транспорте (кроме такси) и талоны на обед.

Звучало заманчиво. Но ждать... сколько ещё ждать естественной кончины?.. Эта мысль беспокоила Сумарокова. И кому довериться? Жене? Ну уж нет. Прихлопнет как муху, а все заслуги присвоит себе. Редкая возможность появилась наконец по-человечески в Доминикане отдохнуть: знакомые уже не по одному разу успели побывать, а ты киснешь посреди слякоти и грязных сугробов. Ускорить же процесс, наложить на себя руки было бы как-то не по-христиански...

– Всё, решено, еду в Институт, надо сперва всё досконально узнать: что и почём. Да и зачем они мне, мозги, после смерти? – логично рассудил Сумароков, торопливо надевая плащ в прихожей.

По дороге Сумароков заглянул в Дом книги на Невском. Как коренной питерец, он считал необходимым показываться здесь не реже одного раза в месяц, знакомиться с новинками, а также заглядывать на стеллаж для бестсел-

леров в тайной надежде увидеть на тиснении своё имя. С гонорарами в последнее время стало вовсе туго, известно, писательская доля как у крепостных крестьян... Издательства стихи его отфутболивали, заходите, мол, на неделе, посмотрим, может, что-нибудь придумаем... Другие с ходу резали по живому: стихи и мемуары не берём, без объяснений и дискуссий. Кому они нужны, стихи-то, в наше время... Однако Сумароков юношескую мечту, жар-птицу свою из рук не выпускал, прибил к одному из сайтов, который и был создан, чтобы подбирать и спасать от гибели в окололитературном космосе таких, как он, где неудачливые и непонятые могли бы самовыражаться и писать друг другу комплиментарные комменты, а за небольшие деньги отливать свою нетленку в твёрдом переплёте.

Сумароков считал себя даровитым, но непризнанным поэтом, даже визитки с золотыми виньетками заказал для порядка. «Сумароков». 100 штук для ровного счёта. На всякий непредвиденный случай, если что, вдруг посчастливится кому вручить. Искренне полагал, что ему не повезло в ту далёкую уже эпоху Возрождения родиться.

Жена, Валя-Валентина, писателем Сумарокова признавать отказывалась, но хобби его терпела, лишь бы не пил да по бабам не шлялся. В наше-то время столько соблазнов, мужичка стоящего не просто найти, красотки в социальных сетях со всех сторон желают познакомиться, а он у меня такой доверчивый, такой недотёпа, уйдёт, пропадёт ведь. Валентина была женщина чисто по-русски жалостливая, незлобивая, всё Сумарокову прощала: и то, что денег домой не приносит, и то, что цветов не дарит. Правда, стихи на 8 Марта посвящает, о чём она не без гордости сообщала по телефону подружкам. Попривыкла она к непутёвому мужу. Безропотно тянула ляжку, не жаловалась, работала медсестрой, укольчики частные на дому, массаж тайский, пятое-десятое... В общем, на жизнь на двоих со скрипом хватало, а детей – так вышло – не завели. Выходит, что к лучшему: бедность к чему плодить? И то верно.

В Институте странному с точки зрения нормального человека вопросу Сумаро-

кова не удивились. Вообще. Приняли как должное.

– Ступайте, молодой человек, в такой-то кабинет, это вам надо подняться на второй этаж и направо по коридору, а там увидите...

Гардеробщица, добрая душа, прокричала вслед про номерок ко врачу, который нужно не забыть оторвать. Оторвал.

Коридор был пуст, только возле кабинета под номером 27 роилась толпа.

– Это что же, все сюда? – задал он нелепый до очевидности вопрос рыжей кудлатой девице неопределённого возраста и в красном беретике из мультика, хотя понятно было, что именно туда. – Что же получается, все мозги пришли сдавать?.. Флешмоб, что ли, какой сегодня?..

– Каждому своё, дядя! Вы бы лучше очередь заняли...

– Зачем очередь, у меня номерок, вот...

– У всех номерки. А вход по живой очереди. Вы что, первый раз?

– Ну...

Сумарокову и в голову не могло прийти, что мозги можно сдавать как донорскую кровь.

– А я уже и печень сдавала, и селезёнку, – терпеливо продолжала информировать новичка «красная шапка».

– И сколько же их у вас, к примеру? – Сумарокову стало любопытно, он уже понял, что с ума сходить пока рано, можно позволить себе предварительно пофантазировать, как без мозгов всё было бы намного проще, и он на всю оставшуюся жизнь себя обеспечит, и даже Валентине, жене, кое-что достанется.

– Они отрастут новые, если правильно питаться по системе профессора Угрюмова... – меж тем наставляла Сумарокова девица. – Я в третий раз сюда прихожу и ещё, наверное, приду. Деньги не лишние.

Сумароков про диету профессора Угрюмова ничего не слышал, но уточнять детали постеснялся, чтобы не показаться рыжей толстушке неотёсанным деревенским чурбаном. Он ещё хотел было поинтересоваться расценками, сколько и как платят, – за извилины или по весу, – но не успел.

Некоторые думают, что поэтом быть просто. Некоторые из некоторых даже подозревают, что это вроде золотой жилы, Клондайк дома на веранде. Сиди, попивай кофе, из Коста-Рики привезённый, круасанами итальянского производства заедай – и строчи строчки, тогда как твой банковский счёт непрерывно пополняют благодарные книжные интернет-магазины типа «Озон» или «Лабиринт».

Ничего подобного! Сказки для обывателя. Поэт – он вроде психотерапевта, только не в чужую душу в грязных кроссовках норовит залезть, а сам по собственной воле потрошит свою, выворачивает наизнанку перед всеми: вот, мол, смотри, народ, я пришёл тебя лечить...

– Сумароков! – из кабинета выглянуло казённое лицо, по-видимому, ассистентки. – Сумароков тут?..

Сумароков не подал виду, что ему стало лестно: именно его, а не кого-то другого принимают без очереди, с нетерпением ждут, и смело шагнул за порог кабинета, в будущее.

– Ну-с, молодой человек... Мы приготовили для вас небольшой сюрпрайз. – Мужчина в белом халате, со стетоскопом на шее излучал самую приветливость. – «Детектор лжи» называется. Не пугайтесь, это стандартная процедура, разработанная специально для творческих личностей вроде вас. И вам, милейший, не из-за чего волноваться по пустякам. Просто мы хотим познакомиться с вами поближе, заглянуть в ваш внутренний, с позволения сказать, мир. Разумеется, вы вправе отказаться, если вам это неприятно, но упустить такой шанс... сами понимаете... было бы грешно.

– Но я вообще-то пришёл сдать мозги и хотел спросить...

– Молчать! Вопросы задавать буду я. Ваше дело – отвечать... Готовы? Тогда пожалуйста в кресло.

– А как же мозги?

– Не всё сразу. Дойдём и до мозгов. Давайте по порядку. Вы пили утром кофе?

– Жена чай заварила, из пакетиков, «Липтон», кажется. Кофе – он у нас по праздникам...

– Ваше полное имя?

– Так вы же знаете... Сумароков я, Иван Павлович.

– Вы работаете, учитесь?

– Я по специальности поэт.

– Как вы себя чувствуете, на что жалуетесь?

– У меня всё хорошо. «Единую Россию» и политику правительства поддерживаю. А я что, под следствием? – Сумароков счёл себя оскорблённым глупыми вопросами и немного расхрипался.

– Типичная реакция тех, кто к нам попадает.

– Простите, я немного нервничаю.

– Это заметно.

– Думаете, я от вас что-то скрываю?

– Тест покажет, что вас беспокоит. Сейчас глубоко вдохните. Вы работаете на иностранное правительство?

– Что вы... побойтесь Бога... зачем мне это?

– Молодой человек, кого бы вы убили в первую очередь, если бы попали в неприятную ситуацию и перед вами стоял выбор: спасти вашего начальника или спастись самому? Можете не отвечать, но это вопрос о вашей лояльности, понимаете?

– Предпочёл бы себя.

– А если бы речь шла о...

Доктор зыркнул на потолок.

– Смотря по обстоятельствам. Ничто человеческое, как говорится, мне не чуждо.

– Вы уклоняетесь от ответа. Хорошо, поставим вопрос иначе. Готовы ли вы умереть за страну?

– Разумеется, да. Как патриот.

– Для нас важно, чтобы вы были предельно откровенны с нами, потому что на вас может оказать давление иностранная разведка в целях получения ценной информации политического или экономического характера, если у вас есть слабые места, о которых мы не знаем. Так что лучше в ваших же интересах всё рассказать.

– Я с вами откровенен.

– Хорошо. Спасибо. Вы входите в какую-либо террористическую ячейку?

– Боже упаси!

– Не нервничайте, ведите себя спокойно. Вам дать воды?

– Я спокоен.

– Вас считают честным человеком?

– Надеюсь, что так.

– Вы не должны делиться о характере своей работы дома. Вы должны отдавать себе отчёт в том, что придётся лгать близким людям, они даже не должны догадываться, чем вы на самом деле занимаетесь.

– Я готов дать подписку о неразглашении хоть сейчас.

– И ещё. Скажите, вы имели интимные отношения с кем-либо кроме жены?

– Это ещё вам зачем? Моя личная жизнь – моя личная жизнь.

– Видите ли, мы знаем не понаслышке, постель многим развязывает языки, и если какая-нибудь ваша случайная знакомая услышит, как вы разговариваете во сне...

– Простите, но это уже из области юмора, кажется...

– Что ж, мы видим, чувство юмора у вас присутствует. Вы когда-нибудь делились информацией с иностранной разведкой?

– Помилуйте, я же сказал... Ни сном, ни духом... Меня хоть режь, а тайну не выдам...

– Вы хорошо держитесь, Сумароков, похоже, вас этому обучали, признайтесь, и вам ничего не будет. Нам доподлинно известно, что вы активный член НПО «Пегас», содержитесь на гранты зарубежных, с позволения сказать, благотворителей, чтобы очернять нашу непростую действительность. Выводы делать преждевременно, но для более детального обследования вам, очевидно, придётся назначить щадящий курс трепанации черепа. Тогда мы будем знать точно, сколько и чего вы стоите... Ваш прайс-лист.

– Уверю, я вас не подведу. Вы ни разу не пожалеете. Если честно, я на мели и готов на всё.

– Что ж... Благодарим за ваше время. Подпишите здесь, здесь и здесь... Пройдите в отдел кадров, и за работу. Поздравляю с назначением.

...Приснится же такое... Сумароков встал, с хрустом потянулся. Вышел на веранду.

Облокотился на перила. Домик, собственный домик – небольшой, в две комнаты, гостиная, кухонька, кладовка, санузел, – но свой. Никогда бы не поверил, если бы раньше сказали, что такое возможно... Сюда Ла-Паломы... В какие края меня занесло...

– О голубка моя... – Сумароков попытался вспомнить слова с детства ввевшегося в голову популярного шлягера, который кто только не исполнял, от Мариэтты Альбони до Аллы Пугачевой. – Как тебя я любл-у-у-у...

Далее следовал провал в памяти, но это не испортило ему настроения... В синем просторе... дальнем чужом краю... ла-ла-ла... ла-ла-ла... Хорошо-то как!..

Сумароков не знал – да и ни к чему ему это было, – что автор мелодии – композитор и музыкант из Страны Басков Себастьян Ирадьер – и предположить не мог, что после того, как «Голубка» впервые прозвучала на набережной Малекон и была подхвачена местными хабаньерос, она получит не просто всенародное, а общемировое признание. Он не был завистлив, к чужой славе относился спокойно, без ревности, как и подобает всякому уважающему себя поэту, следуя правилу: а караван идёт... пускай себе тешатся.

Зима в этом году выдалась вопреки прогнозам совсем уж мягкая, старожилы и не припомнят, и весна пришла рано. Солнышко с каждым днём пригревало всё сильнее, можно не спеша прогуляться по окрестностям, пройтись, – пока не понаехали американцы с немцами да китайцами, – узкими городскими улочками, полюбоваться сохранившимися первозданный колониальный стиль домами, подышать свежим, утренним, без автомобильных удушливых примесей воздухом, прислушаться к океанскому прибою: всё ли у него в порядке... А женщины... Какие женщины, горячие, игривые... Ух!..

На работу идти не надо. Хочу – пишу, хочу – в носу ковыряю. Благодарь.

– Ванечка! – послышался голос Вали-Валентины. – Кофе остывает, иди уже, завтракать пора... Я тебе сегодня заварила индонезийский. Круасаны с повидлом будешь?